А. В. КУРОЧКИН

ДНЕВНИКОВАЯ ЗАПИСЬ ПУШКИНА О БРИЛЛИАНТАХ

1

8 января 1835 года Пушкин записал в дневнике: «Начнем новый год злословием, на счастие... Бриллианты и дорогие каменья были еще недавно в низкой цене. Они никому не были нужны. Выкупив бриллианты Н<аталии> Н<иколаевны>, заложенные в московском ломбарде, я принужден был их перезаложить в частные руки, — не согласившись продать их за бесценок. Нынче узнаю, что бриллианты опять возвысились. Их требуют в Кабинет, и вот по какому случаю» (XII, 335—336). Далее следует история о том, как по приказу Николая I князь П. М. Волконский принес из вверенного ему Кабинета Его Императорского Величества самую дорогую табакерку, показавшуюся царю довольно бедной, и получил ее в подарок.

В комментарии к изданию дневника под редакцией В. Ф. Саводника эта запись трактуется следующим образом: «“Бриллианты Н. Н.” — т. е. принадлежавшие Наталье Николаевне драгоценные вещи, которые Пушкин принужден был заложить уже вскоре после свадьбы. Первоначально они были заложены в ломбарде при Московском Воспитательном доме, потом были выкуплены через посредство московского ростовщика и дисконтера А. Рахманова <...> затем, по-видимому, Пушкин снова заложил их, может быть, тому же Рахманову».[1] В комментарии отсутствует указание на то, что

[1] Дневник А. С. Пушкина (1833—1835 гг.) / Под ред. В. Ф. Саводника. М., 1923. С. 522.

© А. В. Курочкин, 2022
Пушкинский кабинет ИРЛИ
DOI 10.31860/0236-2481-2022-36-19-36

первоначально драгоценности были заложены в ломбард тещей поэта, и опущены обстоятельства, в результате которых бриллиантами стал распоряжаться поэт. Между тем имя ростовщика, которому Пушкин заложил драгоценности, доподлинно известно. Комментируя «Памятные заметки» Н. М. Смирнова, П. И. Бартенев указал, что Пушкин, «женившись в феврале (1831 года. — *А. К.*), для переезда в Петербург, весною этого же года, должен был под жидовские проценты заложить некоему Вееру женины бриллианты, которых так и не выкупил. (Слышано от П. В. Нащокина)».[2] Позднее в примечаниях к письмам А. Я. Булгакова к брату Бартенев заметил, что после свадьбы Пушкин, «живучи около трех месяцев в Москве, до того истратился, что пришлось ему заложить у еврея Веера женины бриллианты, которые потом и не были выкуплены (со слов П. В. Нащокина)».[3] Наконец, в примечаниях к публикации писем Нащокина к Пушкину Бартенев опускает момент, когда именно произошел заклад драгоценностей, и дает лишь справку о Н. А. Вейере: «Московский ростовщик у Никитских ворот. Пушкин заложил ему бриллианты, которые не имел возможности выкупить».[4] Между тем в свидетельстве Нащокина вызывает сомнение время, когда Пушкин заложил бриллианты Вейеру.

В издании дневника под редакцией Б. Л. Модзалевского запись поэта истолковывается так: «*Бриллианты Н. Н. Пушкиной* были заложены ее мужем, вероятно, тотчас после свадьбы».[5] Следом приводятся выдержки из писем Пушкина, Нащокина и Рохманова,[6] связанные с хлопотами по выкупу драгоценностей из ломбарда, которые завершились лишь в 1832 году. И тут же для объяснения заклада драгоценностей Вейеру весной 1831 года делается оговорка: «Но это были, по-видимому, не все бриллианты Н. Н. Пушкиной».[7] Однако это не соответствует записи Пушкина, который не упоминает о каком-либо еще ранее имевшем место закладе драгоценностей, кроме ломбарда при Воспитательном доме, а утверждает, что, выкупив оттуда бриллианты, он только потом решил перезаложить их частному ростовщику.

В комментарии к изданию пушкинских писем под редакцией Б. Л. и Л. Б. Модзалевских говорится: «Теща Пушкина Наталья

---

[2] Русский архив. 1882. № 1. С. 232.

[3] Там же. 1902. № 1. С. 56.

[4] Там же. 1904. № 11. С. 442.

[5] Дневник Пушкина. 1833—1835 / Под ред. и с объясн. примеч. Б. Л. Модзалевского и со ст. П. Е. Щеголева. М.; Пг., 1923. С. 231.

[6] Пушкин и Нащокин фамилию А. Ф. Рохманова пишут через «а»: Рахманов.

[7] Дневник Пушкина. 1833—1835. С. 232.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Ивановна дала ему для заклада свои бриллианты, которые и были заложены в Москве у купца Н. А. Вейера».[8] Как видим, здесь отсутствует указание, что драгоценности предстояло предварительно еще выкупить из ломбарда, прежде чем вновь заложить уже частному лицу.

В десятитомном Собрании сочинений Пушкина сказано: «Постоянно нуждаясь в деньгах, Пушкин закладывал бриллианты жены, одну часть сейчас же после свадьбы (18 февраля 1831 г.), другую — в мае 1831 г. для переезда из Москвы в Петербург, и так и не смог их выкупить».[9] Похожий комментарий дан в Малом академическом собрании сочинений поэта и издании серии «Русские дневники»: «Принадлежавшие Н. Н. Пушкиной бриллианты были заложены Пушкиным вследствие денежных затруднений сразу же после свадьбы в 1831 г. и в связи с переездом из Москвы в Петербург в мае того же года. Он не смог их выкупить до конца своей жизни».[10] Получается, что драгоценности закладывались дважды в 1831 году, и в обоих случаях закладчиком выступал сам поэт.

Противоречивым выглядит изложение истории с драгоценностями в комментарии к изданию писем Пушкина к жене: «В 1831 г. Пушкин заложил у купца Н. А. Вейера бриллианты своей жены. <...> Собираясь в Москву (в декабре того же года. — *А. К.*), он надеялся их выкупить. <...> Выкупить бриллианты Натальи Николаевны в этот приезд Пушкин не смог. Они были выкуплены в феврале 1832 г.».[11] Данный комментарий повторяется в издании дневников поэта в серии «Литературные памятники».[12] Таким образом, соединяются воедино, хронологически меняясь местами, два эпизода: заклад Вейеру бриллиантов, которых Пушкину не суждено было получить обратно, и предшествовавший ему выкуп драгоценностей в 1832 году, без указания на нахождение их в тот момент в ломбарде. Между тем в дневниковой записи четко представлена последо-

---

[8] *Пушкин А. С.* Письма / Под ред. и с примеч. Б. Л. и Л. Б. Модзалевских. М.; Л., 1935. Т. 3. С. 446.

[9] *Пушкин А. С.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1976. Т. 7. С. 384 (примеч. Т. Г. Цявловской).

[10] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. 4-е изд. Л., 1978. Т. 8. С. 367 (примеч. Л. Б. Модзалевского под ред. Б. В. Томашевского); *Пушкин А. С.* Дневники. Автобиографическая проза / Сост., подгот. текстов и вступ. ст. С. А. Фомичева; Примеч. и имен. указ. Н. Е. Мясоедовой. М., 1989. С. 296. («Русские дневники»).

[11] *Пушкин А. С.* Письма к жене / Под ред. и с примеч. Я. Л. Левкович. Л., 1986. С. 124. («Лит. памятники»).

[12] *Пушкин А. С.* Дневники. Записки / Изд. подгот. Я. Л. Левкович. СПб., 1995. С. 246. («Лит. памятники»).

вательность событий: сначала выкуп бриллиантов из ломбарда, состоявшийся по факту в 1832 году, и затем их перезалог в частные руки.

Попытка снять противоречия предпринята в «Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина», в которой под датой: «1831. Апрель ... Май, 15» — приведен следующий эпизод: «Пушкин, готовясь к отъезду в Петербург, пытается получить 11 000 руб., отданных в долг Н. И. Гончаровой; по-видимому, в уплату этого долга Н<аталья> И<вановна> предоставила Н<аталье> Н<иколаевне> и Пушкину фамильные бриллианты и изумруды, заложенные в московском ломбарде, с условием, чтобы их выкупили. <...> Пушкин, выкупив их из ломбарда, снова закладывает бриллианты Вейеру, чтобы не остаться совсем без денег. Нащокин помогал ему в переговорах с закладчиком».[13] «Летопись жизни и творчества» здесь опирается на хронологическую канву жизни Пушкина в Москве в 1830—1831 годах, составленную С. Т. Овчинниковой.[14] Действительно, закладывая бриллианты Вейеру, поэт должен был предварительно выкупить их из ломбарда. Вполне оправданно стремление соблюсти в «Летописи жизни и творчества» хронологию и привести этот эпизод в соответствие с временными рамками, следуя записи Бартенева. Однако попытка вместить историю с выкупом и закладом в столь короткий временной промежуток выглядит неубедительно. Даже приняв такое объяснение, нельзя устранить противоречия тому факту, что только в 1832 году поэт выкупил из ломбарда заложенные тещей бриллианты.

В «Хронике жизни и творчества А. С. Пушкина» заклад поэтом драгоценностей Вейеру датируется: «1831. Февраль, 20 ... Май, 14»,[15] а к дневниковой записи о бриллиантах от 8 января 1835 года дается пояснение, проистекающее из засвидетельствованного Бартеневым рассказа Нащокина, без указания, кому Пушкин перезаложил драгоценности: «Эти бриллианты выкупить до конца своей жизни поэт так и не сможет».[16]

Наконец, в повествовании о жизни Н. Н. Пушкиной история с перезакладом драгоценностей также отнесена к 1831 году: «На-

---

[13] Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: В 4 т. М., 1999. Т. 3 / Сост. Н. А. Тархова. С. 331.

[14] *Овчинникова С. Т.* Пушкин в Москве: Летопись жизни А. С. Пушкина с 5 декабря 1830 г. по 15 мая 1831 г. М., 1985. С. 224—226.

[15] Хроника жизни и творчества А. С. Пушкина: В 3 т. 1826—1837 / Сост. Г. И. Долдобанов; Науч. ред. А. А. Макаров. М., 2001. Т. 2. Кн. 1. С. 53—54. («Пушкин в XXI веке». Вып. 9).

[16] Там же. М., 2016. Т. 3. Кн. 1 / Сост. Г. И. Долдобанов, И. С. Сидоров; Науч. ред. И. С. Сидоров. С. 16. («Пушкин в XXI веке». Вып. 11).

талья Николаевна получила в приданое <...> от матери заложенные бриллианты и изумруды. Наталья Ивановна предоставила зятю с дочерью закладные квитанции, чтобы они выкупили их сами, что Пушкин и сделал, а перед отъездом из Москвы вновь заложил».[17]

Ошибка во всех комментариях, на наш взгляд, кроется в изначальной установке на безоговорочное следование записи Бартенева о закладе Вейеру бриллиантов именно в 1831 году, до отъезда из Москвы. В ряде исследований возникает путаница относительно того, где Наталья Ивановна заложила драгоценности, которые впоследствии выкупил зять. Например, в специальной работе, посвященной материальному состоянию поэта, сказано: «Своеобразной компенсацией за приданое Н. И. Гончарова, видимо, считала данную ею Пушкину закладную квитанцию на выкуп фамильных бриллиантов, заложенных у ростовщика Н. А. Вейера за 9000 руб.».[18] В комментарии к своду документов к биографии поэта говорится, что бриллианты «Пушкину надо было выкупать у ростовщика Н. А. Вейера за 9000 рублей».[19] Происходит смешивание места первоначального заклада драгоценностей тещей с местом их последующего заклада уже самим поэтом. Попытаемся прояснить обстоятельства, связанные с данным эпизодом пушкинской биографии.

В первую очередь следует установить время, когда Наталья Ивановна предложила заложенные ею драгоценности в качестве компенсации долга за приданое. В популярной книге о жене поэта утверждается, будто залоговая квитанция на бриллианты стала материнским «подарком» Натали к свадьбе.[20] В таком случае Пушкин наверняка сразу выкупил бы драгоценности для невесты, ибо перед женитьбой располагал свободными деньгами, взятыми в Опекунском совете после заклада душ, которые отец выделил ему в селе Кистенево. Однако полученными средствами поэт распорядился иначе, о чем сообщал в письме к П. А. Плетневу около 16 февраля 1831 года: «Заложил я моих 200 душ, взял 38,000 — и вот им распределение: 11,000 тёще, которая непременно хотела, чтоб дочь

---

[17] *Старк В. П.* Наталья Гончарова. М., 2009. С. 145. («Жизнь замечательных людей»).

[18] *Сергеев В. М.* Материальное положение А. С. Пушкина в 1830-е годы // Russian studies: Ежеквартальник русской филологии и культуры. 1995. Т. 1. № 3. С. 26.

[19] Александр Сергеевич Пушкин: Документы к биографии. 1830—1837 / Сост. С. В. Березкиной, В. П. Старка; Подгот. текстов С. В. Березкиной, И. В. Васильевой, А. В. Дубровского, Т. И. Краснобородько, А. С. Лобановой, В. П. Старка; Примеч. С. В. Березкиной. СПб., 2010. С. 68.

[20] См.: *Ободовская И. М., Дементьев М. А.* Наталья Николаевна Пушкина: По эпистолярным материалам. М., 1985. С. 53.

ее была с приданым — пиши пропало. 10,000 Нащокину, для выручки его из плохих обстоятельств: деньги верные. Остается 17,000 на обзаведение и житие годичное» (XIV, 152). Действительно, Пушкин помог Нащокину, еще 9 февраля 1831 года заплатив в совокупности 7000 рублей по двум его векселям, выданным Вейеру.[21] Между тем от Гончаровых поэт ожидал если не возвращения денег за приданое, то хотя бы ответных действий для обеспечения Натальи Николаевны, о чем и намекал в письме к ее деду Афанасию Николаевичу от 24 февраля 1831 года, говоря, что «в состоянии ждать» (XIV, 154). Существовала предварительная договоренность, что мать предоставит Натали 200 душ в своем имении Ярополец, а дед — часть нижегородского имения Катунки. Также Афанасий Николаевич рассчитывал на содействие Пушкина сначала в получении разрешения на переплавку, а затем — в продаже статуи Екатерины II, которую поэт с иронией именовал «медной бабушкой» (XIV, 116), намереваясь из вырученных средств выделить деньги на приданое внучке.

Не приходится сомневаться в том, что залоговые документы на драгоценности были получены поэтом от Натальи Ивановны только спустя некоторое время после свадьбы, когда он, устав ожидать, пока родные жены по своей инициативе что-либо сделают для нее, стал напоминать о возврате долга. В ответ теща начала жаловаться на корыстолюбие зятя и называть его ростовщиком. Первостепенное значение в данной связи приобретает письмо Пушкина к Наталье Ивановне от 26 июня 1831 года, в котором он писал:

> A mon départ de Moscou vous n'avez pas jugé à propos de me parler d'affaire; vous avez mieux aimé faire une plaisanterie sur la possibilité d'un divorce, ou de quelque chose comme ça. Il m'est indispensable cependant de savoir définitivement ce que vous avez résolu à mon égard. Je ne parle pas de ce qu'on a été intentionné de faire pour Natalie; cela ne me regarde pas et je n'y ai jamais songé malgré mon avidité. J'entends les 11,000 roubles que j'ai prêtés. Je n'en demande pas le payement, et ne vous presse en aucune manière. Je veux seulement savoir au juste quels sont les arrangements que vous jugerez à propos de prendre, afin que je prenne les miens en conséquence (XIV, 182).[22]

---

[21] Александр Сергеевич Пушкин: Документы к биографии. 1830—1837. С. 183—185.

[22] Перевод: «Когда я уезжал из Москвы, вы не сочли нужным поговорить со мной о делах; вы предпочли пошутить по поводу возможности развода, или что-то в этом роде. Между тем мне необходимо окончательно выяснить ваше решение относительно меня. Я не говорю о том, что предполагалось сделать для Натали; это меня не касается, и я никогда не думал об этом, несмотря на мою алч-

До момента написания этого письма о передаче бриллиантов в качестве компенсации за приданое никаких разговоров не велось, иначе поэт не стал бы интересоваться намерениями тещи и, как видим, уже не в первый раз поднимать данный вопрос. П. В. Анненков снял с этого письма копию, на которой сделал следующее замечание: «Дело в том, что он <Пушкин> на приданое жены дал ее семейству своих 11 000 и вместо благодарности получил название ростовщика за то, что, раздосадованный их оскорблениями, предъявил на них свои права. В Москве он продал брильянты жены, чтобы расплатиться с Жемчужниковым и устроить денежное дело между Нащокиным и Догановским».[23] Очевидно, присутствие в за-

---

ность. Я имею в виду 11 тысяч рублей, данные мною взаймы. Я не требую их возврата и никоим образом не тороплю вас. Я только хочу в точности знать, как вы намерены поступить, чтобы я мог сообразно этому действовать» (*франц.*; XIV, 429).

[23] *Пушкин А. С.* Письма. Т. 3. С. 310. Замечание Анненкова привел Б. Л. Модзалевский, который перед своей кончиной подготовил комментарий к пушкинскому письму и не сомневался в его отправке, указав только: «Ответ тещи на это письмо поэта нам неизвестен» (Там же). Л. Б. Модзалевский в дополнении к комментарию отца выдвинул предположение, что письмо не было отправлено из-за вмешательства Натальи Николаевны (см.: Там же). Я. Л. Левкович, не обратив внимания на то, что эта мысль приведена в редакторской ремарке сына, ошибочно приписала ее самому Б. Л. Модзалевскому (см.: *Пушкин А. С.* Письма к жене. С. 124). Сын в своей гипотезе опирался на подготовленные отцом для публикации анненковские пересказы событий, которые были отражены в пушкинских письмах к жене. В записи о 1834 годе говорится: «Он <Пушкин> часто бывает у Катер<ины> Ивановны, тетки Н<атальи> Н<иколаевны>, и в дружеских сношениях с ней, а с тещей все не в ладах (особенно за сватовство belles-soeurs), и даже пишет ей грубое письмо, которое, впрочем, жена успела удержать» (*Модзалевский Б. Л.* Пушкин. Л., 1929. С. 364). Наталья Ивановна несправедливо упрекала зятя за активное участие в сватовстве А. Ю. Поливанова к А. Н. Гончаровой, поэтому письмо поэта от 26 июня 1831 года получилось резким. Однако невозможно с уверенностью сказать, что именно его отправку задержала Наталья Николаевна, ибо сам Анненков в приведенном замечании на копии письма этого не утверждает. Мы полагаем, что данное письмо все же дошло до адресата. Из пересказа Анненкова можно заключить, что речь идет о каком-то другом пушкинском письме к теще, скорее имевшем отношение к событиям 1834 года, нежели о давнем, написанном еще в 1831 году. Обратим внимание, что Анненков пишет о сватовстве belles-soeurs, то есть обеих свояченицы — Екатерины и Александры Гончаровых. Если в 1831 году сам Поливанов добивался руки средней сестры и правильнее было бы говорить о его сватовстве, то в 1834 году ситуация была иная, соответствовавшая определению Анненкова: подбирали женихов для сестер. Наталья Ивановна находилась в ссоре со своими незамужними дочерьми и должна была быть недовольна участием Пушкина в их судьбе. Превратно истолковывая согласие поэта на переезд в Петербург, в его семью, сестер жены, занятых поиском женихов, теща могла вообразить, что зять активно этому способствует. Можно представить реакцию Пушкина, если На-

мечании истории с бриллиантами связано с реакцией тещи на письмо. Надо думать, по рассказам Натальи Николаевны или Нащокина Анненков знал, что настойчивые напоминания Пушкина о долге за приданое возымели действие, и ответным шагом Натальи Ивановны стала передача дочери драгоценностей, на тот момент заложенных в ломбарде. Свидетельство Анненкова позволяет отыскать отправную точку в ситуации с бриллиантами и прояснить события, связанные с последующим их перезалогом уже самим поэтом, и мы к нему еще вернемся.

В письме к Нащокину от 22 октября 1831 года, сообщая о своем желании приехать в Москву, Пушкин впервые упоминает о заложенных драгоценностях: «...я бы сам кой-какие дела обработал, напр<имер> брилианты жены моей, которые стараюсь спасти от банкрутства тещи моей и от лап Семена Федоровича (Душина, управляющего Н. И. Гончаровой. — *А. К.*)» (XIV, 237). Из письма можно заключить, что до отъезда с женой из Москвы в 1831 году поэт не выкупал заложенные Натальей Ивановной в ломбарде бриллианты и не перезакладывал их Вейеру, ибо последняя операция предполагала, что Пушкины уже единолично могли распоряжаться драгоценностями. Однако, как видим, только собираясь их выкупить, поэт не случайно вспоминает о теще и ее управляющем, которые, следовательно, все еще имели на тот момент отношение к заложенным бриллиантам. Надо полагать, судьба драгоценностей какое-то время зависела от Натальи Ивановны. По-видимому, теща сначала решила выкупить драгоценности самостоятельно, возможно из-за того, что зять не сразу согласился принять на себя эти хлопоты. В данном вопросе Наталья Ивановна полагалась на своего

талья Ивановна обвинила его в намерении сосватать свояченицу. Поэтому грубое письмо поэта к теще по этому поводу, если оно существовало, было задержано Натальей Николаевной (которая, вероятно, и могла бы рассказать об этом Анненкову) и не дошло, что вполне естественно, как до адресата, так и до нас. На самом деле Пушкин не придавал особого значения проекту замужества сестер жены и в письмах к ней этого времени с иронией обсуждал их возможные партии. «Теперь из богатых женихов остался один Новомленский, ибо Сорохтин, ты говоришь, умре. Кого-то выберет он? Александру ли Николаевну или Кат<ерину> Ник<олаевну>? как думаешь?» (XV, 137) — интересуется он в письме от 30 апреля. «Ты пишешь мне, что думаешь выдать Кат<ерину> Ник<олаевну> за Хлюстина, а Алекс<андру> Ник<олаевну> за Убри: ничему не бывать; оба влюбятся в тебя» (XV, 167), — шутит поэт в письме от 26—27 июня, дата которого уточняется по: *Пушкин А.* С. Письма к жене. С. 169. Не приветствовал он и приезд свояченицы, о чем писал жене 14 июля: «Мое мнение: семья должна быть *одна* под *одной* кровлей: муж, жена, дети покаместь малы; родители, когда уже престарелы. А то хлопот не наберешься, и семейственного спокойствия [не набер<ешь>] не будет» (XV, 181).

управляющего — отсюда причина пушкинского беспокойства, что за дело возьмется нечистый на руку Душин. Когда это намерение не осуществилось, скорее всего, из-за отсутствия у тещи необходимых средств, — выкуп бриллиантов стал заботой Пушкина.

Только 8 декабря 1831 года, по приезде в Москву, поэт напишет Наталье Николаевне: «...о твоих брилиантах жду известия от тебя. Здесь говорят, что я ужасный ростовщик; меня смешивают с моим кошельком» (XIV, 245). По-видимому, Пушкин ожидал от жены сведений о возможности получения залоговых документов на драгоценности и предполагал прибытие тещи в Москву. По этому поводу в письме от 10 декабря поэт сообщал Натали: «У тебя, т. е. в вашем Никитском доме, я еще не был. Не хочу, чтоб холопья ваши знали о моем приезде; да не хочу от них узнать и о приезде Нат<альи> Ив<ановны>, иначе должен буду к ней явиться и иметь с нею необходимую сцену; она всё жалуется по Москве на мое корыстолюбие, да полно, я слушаться ее не намерен» (XIV, 246). Пушкин избегал личной встречи с тещей, предпочитая действовать через посредника, как впоследствии и поступил, поручив хлопоты по выкупу драгоценностей Рохманову. 16 декабря поэт извещал Наталью Николаевну: «Голкондских алмазов дожидаться не намерен и в новый год вывезу тебя в бусах» (XIV, 249). Во время декабрьского пребывания Пушкина в Москве вопрос о выкупе драгоценностей так и не был решен. Уезжая в Петербург, поэт не знал точной даты окончания заклада в ломбарде, что лишний раз подтверждает отсутствие отношения к нему самого Пушкина, и просил навести справки на этот счет. Нащокин в конце декабря 1831 года успокоил друга: «...о прилиянтах справлялься, срок еще не выходил, всё в порядке» (XIV, 251).[24]

Решив действовать через доверенное лицо, 8 января 1832 года Пушкин интересуется у Нащокина: «Что Рахманов, и что мои алмазы? Нужно ли мне будет вступить с ним в переписку или нет? как ты думаешь?» (XV, 3). Однако стояла необходимость найти деньги, чтобы расплатиться с Рохмановым за выкупленные драгоценности. Как представляется, именно с этой целью 9 января поэт берет у своего троюродного дяди князя Н. Н. Оболенского в долг на два месяца сумму в 10 000 рублей.[25] Ожидая денег, Пушкин задержи-

[24] В Большом академическом собрании сочинений Пушкина это нащокинское письмо датируется концом декабря 1831 года, в «Летописи» предполагается, что оно написано в январе 1832 года (см.: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 3. С. 561).

[25] Литературный архив: Материалы по истории литературы и общественного движения / Под ред. С. Д. Балухатого, Н. К. Пиксанова и О. В. Цехновицера. М.; Л., 1938. Т. 1. С. 64.

вает отправку письма Нащокину и 10 января делает приписку: «Мой любезный Павел Воинович, дело мое может быть кончено на днях; коли брилианты выкуплены, скажи мне адрес Рахманова — я перешлю ему покаместь 5500 рублей; на эти деньги пусть перешлет он мне брилианты (заложенные в 5500). Остальные выкуплю, перезаложив сии» (XV, 3). Надо полагать, разные ювелирные украшения оценивались при закладе отдельными суммами. Поэтому поэт специально указывает конкретную залоговую сумму, дабы избежать путаницы, что позволяет говорить о закладе всех драгоценностей в одном месте. Думается, все подробности Пушкин изложил в не дошедшем до нас письме к Рохманову, которое хотел передать через Нащокина. Около 29 января поэт снова торопит друга: «Ради бога, доставь как можно скорее письмо Рахманову. Ты не хотел отвечать мне на мое письмо, а это сделает мне чувствительную разницу» (XV, 8). Не имея известий из Москвы, он с еще большим нетерпением пишет: «О брилиантах думать нечего; если завтра или после завтрого не получу ответа Рахманова, то деньги возвращаю, а дело сделаю после когда-нибудь» (XV, 11).[26] Так и не дождавшись ответа Рохманова, 10 февраля Пушкин вернул Оболенскому часть занятых у него денег — 8000 рублей. Возможно, остальные 2000 рублей или были потрачены поэтом, или добавлены к уже имевшимся у него деньгам, чтобы получить сумму, необходимую для выкупа драгоценностей, и в таком случае он возвращал Оболенскому только лишние деньги. Между тем драгоценности были выкуплены Рохмановым 8 февраля. На следующий день, 9 февраля, он известил об этом Пушкина: «...вещи ваши мною вчерашний день из здешнего Воспитательного дома выкуплены, заплочено же, выключая двух сот рублей, оставленных мне вами, капитальной суммы и процентов, около девяти тысяч ста рублей ассигнациями» (XV, 11). Таким образом, все драгоценности были заложены в ломбарде при Воспитательном доме и одновременно выкуплены, что подтверждается уплаченной при этом суммой, превосходящей ту, что поэт указал, предполагая выкупить только часть бриллиантов. Драгоценности Пушкину в Петербург по поручению Рохманова доставил проживавший в России француз Иосиф Дюлу.[27] Об этом мы узнаем из рохмановского письма к поэту от 10 апреля: «...деньги вами мне должные мною получены, равно и роспи-

[26] В Большом академическом собрании сочинений поэта это письмо датируется первой половиной (не позднее 11—12) февраля, в «Летописи» — 9 февраля (см.: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 3. С. 448—449).

[27] См. о нем: *Шляпкин И. А.* Из неизданных бумаг А. С. Пушкина. СПб., 1903. С. 167.

ска, вами выданная г-ну Дюлу в получении вами вещей ваших» (XV, 17). Тогда же от Рохманова Пушкин получил один из своих векселей, выданных в счет оплаты карточного проигрыша. С этим долгом было связано возникшее впоследствии намерение поэта вновь заложить бриллианты.

2

Профессиональному карточному игроку В. С. Огонь-Догановскому в мае 1830 года Пушкин проиграл огромную сумму с обязательством выплатить долг по векселям в течение четырех лет. Сохранился черновик пушкинского письма к Огонь-Догановскому, датируемый концом мая — первыми числами июня 1830 года,[28] в котором сказано: «Я с охотою взялся бы выкупить ваши долги, но срок оным векселям по словам вашим два года, а следующие вам 24 800 рублей обязан я выплатить в течение 4 лет. Я никак не в состоянии, по причине дурных оборотов, заплатить вдруг 25 ты<сяч>. Всё что могу за ваш 25 тысяч<ный> вексель выдать, 20 с вычитым 10 проц<ентов> за год — т. е. 18 тысяч рубл<ей>, в таковом случае извольте отписать ко мне, и я не премину чрез Вас или чрез кого Вам будет угодно доставить Вам» (XIV, 100). Из письма можно заключить, что Огонь-Догановский сам являлся должником. Выскажем предположение — должником другого карточного игрока, Л. И. Жемчужникова, который по взаимному согласию сторон совместно с Огонь-Догановским стал участвовать в получении долга с Пушкина, для чего последний выдал сразу несколько заемных писем. Сохранилось одно из них — от 3 июля 1830 года — Жемчужникову на сумму 12 500 рублей, составлявшую как раз половину долга Огонь-Догановскому. Косвенным подтверждением нашего предположения является отсутствие в делах Опеки Пушкина каких-либо денежных обязательств перед самим Огонь-Догановским, заметим — самых крупных в ряду известных нам долгов поэта частным лицам. Они, несомненно, остались бы после его смерти, тогда как даже частично оплаченный Пушкиным вексель Жемчужникову в 12 500 рублей отражен в делах Опеки. Не покрытую по векселю сумму в 5000 рублей с процентами за просроченное время с 3 июля 1832 года по 1 мая 1837 года 1389 рублей Опека выплатила Жемчужникову 11 мая 1837 года.[29] Между тем остальную сумму долга

[28] См.: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 3. С. 204; *Левкович Я. Л.* Рабочая тетрадь Пушкина ПД 839: (История заполнения) // Пушкин: Исследования и материалы. СПб., 2003. Т. 16—17. С. 64.

[29] Архив Опеки Пушкина / Ред. и коммент. П. С. Попова. М., 1939. С. 60—61. (Летописи Государственного литературного музея. Кн. 5).

Огонь-Догановскому — Жемчужникову поэт заплатил при жизни, для чего ему пришлось перезаложить драгоценности. Попытаемся восстановить хронологию событий, которые привели к этому.

Сценарий, когда один карточный кредитор взыскивал причитающиеся ему деньги с должника своего должника, что, как мы предполагаем, произошло в случае с Огонь-Догановским, вероятно, подтолкнул Пушкина поступить аналогично и привлечь к делу собственного должника — Нащокина, который, как заядлый картежник, вступил бы в переговоры с его кредиторами. Намереваясь уплатить в счет своего долга 20 000 рублей, поэт рассчитывал на деньги Нащокина, задолжавшего ему сумму 15 000 рублей, включая те самые 10 000 рублей «для выручки его из плохих обстоятельств». Оказывая Пушкину помощь в решении денежного вопроса, Нащокин возвращал свой долг, а поэт, получив причитающиеся ему деньги, частично расплачивался по собственным векселям. Для реализации данного плана Нащокин должен был сообщить Огонь-Догановскому и Жемчужникову о своем долге перед Пушкиным и предложить выкупить его векселя, чтобы покрыть долг последнего перед ними, но сделать это он собирался, якобы не уведомив поэта. Кроме того, Нащокин предполагал поторговаться, чтобы уменьшить сумму, за которую можно было бы выкупить векселя.

26 июня 1831 года Пушкин интересуется в письме к Нащокину: «Напиши ко мне, к какому времени явиться мне в Москву за деньгами, да у Вас ли Догановский? Если у вас, так постарайся с ним поговорить, т. е. поторговаться, да и кончи дело, не дожидаясь меня» (XIV, 181). В ответном письме от 15 июля Нащокин просил друга не беспокоиться: «С Тагоновским говорить еще рано <...> надо говорить, когда деньги в руках — а теперь только может быть пустой разговор, не к чему не служащий» (XIV, 192). Однако Пушкин продолжает торопить Нащокина в письме от 21 июля: «...с Догановским не худо, брат, нам пуститься в разговоры или переговоры — ибо срок моему первому векселю приближается» (XIV, 197). И снова о том же 29 июля: «...выручишь ли ты меня из сетей Догановского?» (XIV, 200). Наконец, в письме от 18 августа Нащокин обнадеживает друга, заявляя об успешности предприятия: «Всё исправно — теперь у нас идут переговоры с Таконовским. До получения моих денег — нашел я приятеля <Рохманова>, который мне даст сколько потребуется на твою сдельку — следственно к будущей почте я думаю всё кончить и прислать все твои векселя...» (XIV, 210). Между тем переговоры шли тяжело. 2 сентября Нащокин писал: «...с Жемчужниковым дело идет довольно туго — ибо они не нуждаются деньгами» (XIV, 218). В письме от 3 сентября Пушкин

благодарит друга за хлопоты: «<Дай> бог, чтоб успех увенчал дипломатику твою! жду <с> трепетом сердца решения Догановского» (XIV, 219). Однако затея провалилась — пушкинские кредиторы отказались иметь дело с Нащокиным, о чем тот с сожалением сообщил поэту 30 сентября: «...что же касается до Тогановского — только ни какого не добьюся — как я уже тебе писал, что денег я не получал, — а давал мне Рахманов — и теперь дает — но господа компанейщики не хотели и денег — лишь бы только взять вексель с Рахманова — чего я ему не предлогал, ибо знал, что он на сие не согласится, — меня же они совершенно обидели — тем, что не хотели доверить мне — пяти тысяч рублей» (XIV, 229—230). 7 октября Пушкин вновь просит содействия Нащокина: «Жалею, любезный Павел Воинович, что дело разошлось за 5,000. Все-таки я тебе благодарен за твои хлопоты, а Догановскому и Жемчужникову за их снисхождение. <...> Прошу тебя в последний раз войти с ними в сношение и предложить им твои готовые 15 т<ысяч>, а *остальные 5 заплачу я в течение 3 месяцев*» (XIV, 231). Между тем пушкинские кредиторы собрались в Северную столицу. Состоялась личная встреча с поэтом. Об этом он сообщил Нащокину 22 октября: «Видел я Жемчужникова. Они согласились взять с меня 5,000 векселем, а 15,000 получить тотчас. Как же мы сие сделаем?» (XIV, 236—237). Продолжить дело предполагалось уже в Москве. Прибыв туда, поэт извещал жену 8 декабря: «Дело с Нащокиным и Догановским, вероятно, скоро кончу» (XIV, 245). 22 декабря Нащокин вернул Пушкину 7000 рублей своего долга по двум векселям, выданным Вейеру. Эти деньги стали частью тех 7500 рублей, которые 24 декабря Рохманов внес для частичной оплаты заемного письма на 12 500 рублей, выданного Жемчужникову. Уже после отъезда Пушкина в Петербург Нащокин сообщал ему: «Твои дела Рахманов кончил, векселя получены» (XIV, 251). Таким образом, 15 000 рублей, которые фактически Нащокин задолжал Пушкину, были внесены в счет погашения карточного проигрыша поэта.[30] До завершения взаимных расчетов с Нащокиным одно из заемных писем Рохманов придержал у себя. Вексель оказался у Пушкина только 18 апреля 1832 года, после получения им

[30] Отметим, что в начале 1832 года уже Пушкин оказался должен Нащокину, о чем поэт писал ему около 29 января: «А<ндрей> Хр<истофорович> (Кнерцер, купец, доверенное лицо Нащокина. — *А. К.*) получил от меня 1000 на дорогу; остаюсь тебе должен 2 тысячи с чем-то» (XV, 8). Однако неясно, связано ли это как-то с покрытием пушкинского карточного долга сверх тех 15 000 рублей, которые должен был внести Нащокин, или поэт занял у него деньги с другой целью.

письма Рохманова от 10 апреля. «При сем же препровождаю вам заемное письмо ваше, выданное Жемчужникову, которое по сие времени мне нужно было по рассчетам моим с Павлом Воиновичем Нащекиным» (XV, 18), — сообщал Рохманов поэту. Между тем по векселю Жемчужникову в 12 500 рублей необходимо было заплатить еще 5000 рублей. Оставалась задолженность 5000 рублей и по заемному письму, выданному Жемчужникову в октябре 1831 года.[31]

Чтобы представить, каким образом поэт пытался окончательно покрыть карточный долг, вновь обратимся к анненковским пересказам пушкинских писем к жене, содержащим интересные подробности. По поводу письма от 8 декабря 1831 года, в котором поэт описывает свое путешествие из Петербурга в Москву, Анненков заметил: «Между прочим, с Пушкиным ехали его *кредиторы по картам*: Жемчужников, которого называет приятелем, Д...<Догановский>,[32] *которым*, кажется, он должен был до 14 т<ысяч>. За удовлетворением *их* он и ехал и, кажется, удовлетворил, продав бриллианты жены в Кабинет, а бриллианты эти он получил от матери ее Наталии Ивановны, вместо денег, которые он ей дал в ссуду для снабжения дочери приданым».[33] Ознакомившись с еще не из-

---

[31] Возможно, чтобы получить необходимые деньги, 15 января 1832 года Пушкин обратился к своему давнему приятелю М. О. Судиенко о долгосрочном займе: «Теперь обращаюсь к тебе: 25,000, данные мне тобою заимообразно, на 3 или по крайней мере на 2 года, могли бы упрочить мое благосостояние» (XV, 4). Однако заем не состоялся.

[32] В этом письме Пушкин упоминает Огонь-Догановского, но не как дорожного спутника.

[33] *Модзалевский Б. Л.* Пушкин. С. 357 (курсив наш. — *А. К.*). Заметим, что Анненков пишет о двух кредиторах поэта и должную им сумму до 14 000 рублей распространяет на обоих. Л. Б. Модзалевский, сославшись на книгу отца, неверно прочитал данную фразу и ошибочно назвал кредитором по указанной сумме одного лишь Жемчужникова (см.: Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты / Подгот. к печати и коммент. М. А. Цявловский, Л. Б. Модзалевский, Т. Г. Зенгер. М.; Л., 1935. С. 800). Данное ошибочное утверждение было повторено (см.: Александр Сергеевич Пушкин: Документы к биографии. 1830—1837. С. 79). Кроме того, учитывая, что задолженности Огонь-Догановскому и Жемчужникову принято рассматривать независимо друг от друга, — их суммировали. В результате совокупный карточный долг поэта достиг немыслимых 37 000 рублей (см.: *Сергеев В. М.* Материальное положение А. С. Пушкина в 1830-е годы. С. 23; Александр Сергеевич Пушкин: Документы к биографии. 1830—1837. С. 79). Если бы это соответствовало действительности, то полностью отдать такую огромную сумму поэт едва ли смог бы при жизни. Поэтому даже какая-то ее часть, кроме неоплаченных 5000 рублей с процентами по векселю Жемчужникову, непременно должна была бы фигурировать среди долгов частным лицам в делах Опеки.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

данным дневником поэта, Анненков видел в нем и запись о драгоценностях. Будучи не в курсе всех подробностей, но зная наверняка, что с помощью бриллиантов Пушкин покрыл карточный проигрыш, Анненков связал факты воедино. Его пересказ пушкинского письма к жене и замечание на копии письма поэта к теще, расходящиеся в деталях, свидетельствуют все о той же причине, побудившей Пушкина, без сомнения с согласия жены, расстаться с драгоценностями — вернуть карточный долг. Не найдя иных средств его погасить, поэт решился сначала на продажу, а затем — на залог бриллиантов.

Стоит отметить, что к свидетельствам об использовании Пушкиным драгоценностей жены для покрытия собственных долгов исследователи относятся с определенной долей недоверия.[34] Свою лепту в это внесли и беллетризированные воспоминания о Наталье Николаевне ее дочери от второго брака А. П. Араповой, в которых приводится эпизод продажи поэтом драгоценностей жены, полученных в ответ на его напоминания о долге за приданое. Арапова рассказывает, что по этой причине «происходил обмен писем между ним <Пушкиным> и Натальей Ивановной, обыкновенно не достигавший результата и порождавший только некоторое обострение их отношений. Кончилось тем, что теща, в доказательство своей доброй воли исполнить обещание, прислала Пушкину объемистую шкатулку, наполненную бриллиантами и драгоценными парюрами, на весьма значительную сумму. Несколько дней пришлось Наталье Николаевне полюбоваться уцелевшими остатками Гончаровских миллионов. Муж объявил ей, что они должны быть проданы для уплаты долгов, и разрешил ей сохранить на память только одну из присланных вещей. Выбор ее остановился на жемчужном ожерелье, в котором она стояла под венцом».[35] Хотя мемуаристка не утверждает, что драгоценности продали за личные долги Пушкина, однако весь контекст этих тенденциозных воспоминаний наполнен предвзятым отношением к поэту. И все же мемуары Араповой, изрядно приправленные выдуманными ею подробностями, в основе своей опираются на свидетельства матери.

Определяя временные рамки, когда поэт предложил в заклад Вейеру драгоценности, стоит отметить следующее. В письме к На-

[34] Так, Н. А. Тархова категорически заявляет: «Впоследствии обстоятельства этого происшествия забылись, в воспоминаниях и работах о Пушкине появились утверждения, что Пушкин заложил бриллианты жены, чтобы расплатиться с собственными долгами, что не соответствует реальности» (Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 3. С. 552).

[35] *Арапова А. П.* Наталья Николаевна Пушкина-Ланская: К семейной хронике жены А. С. Пушкина / Сост., автор примеч. и послесл. Г. Пикулева. М., 1994. С. 30.

щокину от 22 октября 1831 года Пушкин сообщал о необходимости выкупа из ломбарда драгоценностей тещи, уже обещанных ею дочери, и поэтому вправе был называть их бриллиантами жены. Бартенев пишет с нащокинских слов о закладе самим Пушкиным жениных бриллиантов, то есть в тот момент уже фактически принадлежавших ей драгоценностей. Нащокин мог запамятовать хронологию событий и сместить во времени момент, когда это произошло, но совершенно точно назвал имя ростовщика Вейера и знал, что бриллианты впоследствии так и не были выкуплены. Последнее обстоятельство подразумевает отсутствие каких-либо дальнейших операций Пушкина с драгоценностями и ставит заклад у Вейера, засвидетельствованный Нащокиным, хронологически в конец цепочки событий, связанных с историей бриллиантов. С другой стороны, не исключена вероятность, что неточность была допущена Бартеневым, связавшим заклад драгоценностей у Вейера с более ранним временем. Однако можно утверждать, что произошло это никак не ранее весны 1832 года, лишь после того, как выкупленные из ломбарда драгоценности оказались у Пушкиных, и, вероятно, не позднее осени того же года.[36]

[36] В материальном плане лето и осень 1832 года оказались для Пушкина особенно тяжелыми. 3 июля истек срок оплаты по векселю Жемчужникову в 12 500 рублей. Каких-либо значительных средств от литературных доходов или займов у Пушкина в это время не было. 19 мая у него родился первый ребенок — дочь Мария. Летом 1832 года Пушкины единственный раз за всю семейную жизнь не смогли позволить себе снять дачу, исключая 1834 год, когда Наталья Николаевна с детьми уезжала в калужское имение Полотняный Завод. В июне—июле поэт пытался продать в казну статую Екатерины II, но «медная бабушка», за которую он просил 25 000 рублей, не заинтересовала правительство. 15 июня Пушкин покупает в долг в магазине Гамбсов мебель на 600 рублей, из которых 300 рублей он возвращает 28 июля (см.: Литературный архив. Т. 1. С. 44—46), получив накануне, 27 июля, свое первое жалованье. За период с 14 ноября 1831 года по 1 мая 1832 года оно составило 2319 рублей 44 с четвертью копейки (см.: Александр Сергеевич Пушкин: Документы к биографии. 1830—1837. С. 239). 9 сентября ему выплачивают жалованье за период с 1 мая по 1 сентября в размере 1666 рублей 66 с половиной копеек (см.: Там же. С. 243—244). К концу 1832 года едва ли в распоряжении Пушкиных еще находились выкупленные из ломбарда драгоценности. 1833 год оказался лучше предыдущего в плане источников получения денежных средств. Чтобы погасить карточный долг, уже не имело смысла закладывать бриллианты. А. Ф. Смирдин выплатил поэту гонорар в размере 12 000 рублей за первое полное издание «Евгения Онегина». 22 апреля Пушкин выдал ростовщику В. Г. Юрьеву заемное письмо и получил 6500 рублей. Месяц спустя поэт обратился к шурину, Д. Н. Гончарову, с просьбой одолжить ему 6000 рублей (в случае успешного займа у князя В. С. Голицына) и переговорить с Натальей Ивановной, напомнив ей об обещанных дочери крепостных душах (письмо Пушкина к Д. Н. Гончарову, обнаруженное в 1970 году, датируется 20...23 (?) мая 1833 года — см.: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 4. С. 51, 606 (примеч. 37)).

Пушкинский кабинет ИРЛИ

8 сентября в Петербурге скончался А. Н. Гончаров, похоронить которого решили в калужском имении. Пушкин взял отпуск по семейным обстоятельствам и 17 сентября выехал в Москву, где в Опекунском совете он намеревался перезаложить кистеневских крестьян. Однако эта затея, растянувшаяся на длительный срок, закончилась неудачей. Тогда же Пушкин собирался полностью расплатиться и по карточному проигрышу, который, как долг чести, безусловно, не мог его не тяготить. Выскажем предположение, что во время пребывания в Москве, в период с 21 сентября по 10 октября 1832 года, поэт и заложил драгоценности. Он осуществил это самостоятельно или при содействии Нащокина, но уже без иных посредников. В переписке друзей предварительно никак не обсуждался данный вопрос. Понимая, сколь неприятен он Наталье Николаевне, Пушкин не упоминает о сделке с ростовщиком и в письмах к ней. По-видимому, поэт специально отправился в Москву «поспешным дилижансом» (XV, 30), чтобы сократить время пребывания в дороге и сделать ее более безопасной, так как вез с собой бриллианты.

С предложением приобрести драгоценности Пушкин обратился к Вейеру не случайно. Тот был богатым купцом и ростовщиком, с которым он и Нащокин ранее уже имели дело. Как представляется, именно Вейер приобрел у каретника бричку для путешествия поэта в июле 1830 года из Москвы в Петербург.[37] Кроме того, Вейер занимался скупкой и продажей ювелирных украшений. Купец 2-й гильдии, он основал в Москве торговый дом, в котором были выставлены на продажу драгоценности. Так, А. Я. Булгаков писал брату 18 ноября 1821 года: «Мы заходили к Вейеру смотреть диадиму Мюратши (Каролины Бонапарт, жены маршала Иоахима Мюрата. — *А. К.*), присланную сюда на продажу. Бриллиантов почти нет, но жемчуги страшной величины».[38] Как следует из дневниковой записи Пушкина, его не устроила сумма, предложенная Вейером за приобретение бриллиантов, и он решился только на их заклад. Надо полагать, полученных денег оказалось недостаточно, чтобы окончательно погасить карточный долг. Во всяком случае, Пушкину не хватило 5000 рублей для полной оплаты векселя на 12 500 рублей. Не исключено, что некоторую сумму он все же решил поберечь, хотя во время пребывания в Москве и успел сделать

[37] См.: *Курочкин А. В.* Кто купил бричку Пушкину? Комментарий к письму поэта к Н. Н. Гончаровой от 20 июля 1830 г. // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 2019. Вып. 33. С. 5—12.

[38] Русский архив. 1901. № 2. С. 298.

новые долги.[39] Однако уже в Петербурге возникли обстоятельства, которые вызвали непредвиденные траты. В письме к Нащокину от 2 декабря 1832 года Пушкин жалуется, что нашел «большие беспорядки в доме, принужден был выгонять людей, переменять поваров, наконец, нанимать новую квартеру, и следственно употреблять суммы, которые в другом случае оставались бы неприкосновенными» (XV, 36). Квартира из двенадцати комнат на третьем этаже дома купца П. А. Жадимеровского располагалась в центре Северной столицы, на Гороховой улице.[40] Можно заключить, что относительно свободные деньги, которыми Пушкин мог располагать в конце 1832 года, оставались у него после заклада Вейеру драгоценностей.

Таким образом, хронология истории с бриллиантами представляется следующим образом. Летом 1831 года в ответ на настойчивые напоминания поэта о долге за приданое Н. И. Гончарова в качестве компенсации решила передать дочери свои драгоценности, находившиеся в тот момент в ломбарде при Воспитательном доме в Москве, откуда Пушкин смог их выкупить в феврале 1832 года через посредничество А. Ф. Рохманова. Вероятно, осенью того же года, во время пребывания в Москве, поэт перезаложил бриллианты Н. А. Вейеру, чтобы окончательно расплатиться с карточным долгом В. С. Огонь-Догановскому — Л. И. Жемчужникову. Данные обстоятельства позволяют уточнить события «Летописи» и «Хроники» жизни и творчества Пушкина и будущий комментарий к его дневнику и переписке в издании нового Полного собрания сочинений.

---

[39] Об этом мы узнаем из пушкинских писем к Нащокину. Уезжая в Петербург, поэт надеялся, что друг сможет завершить оставленное на него дело по перезалогу кистеневских крестьян и получить деньги. За счет этих средств Пушкин рассчитывал заплатить 1000 рублей врачу Ф. Д. Шнейдеру и отдать 1000 рублей самому Нащокину по новому долгу, полностью вернуть который пообещал с будущего гонорара за издание «Евгения Онегина» (письмо от 2 декабря 1832 года — XV, 36). Позднее поэт попросил друга передать 2525 рублей сенатору М. А. Салтыкову, тестю покойного А. А. Дельвига (письмо, написанное около 25 февраля 1833 г., — XV, 50). Между тем сохранилась запись Пушкина о получении им от кого-то в декабре 1832 года 500 и 160 рублей (см.: Рукою Пушкина. С. 361).

[40] Современный адрес: Гороховая улица, д. 14. Пушкин должен был отдать за квартиру 3300 рублей в год. 2 декабря он уплатил первый взнос в размере 1000 рублей, 10 декабря внес еще 100 рублей.

Пушкинский кабинет ИРЛИ